

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.41.8>

ГОФМАНОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ МОТИВА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ
Е.ЧИЖОВОЙ «КРОШКИ ЦАХЕС»

Научная статья

Стрельцова Г.В.^{1,*}, Беляева В.Е.²

¹ORCID : 0009-0008-6909-9818;

²ORCID : 0009-0008-0540-1424;

^{1,2}Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (galana2000[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматривается художественное освоение наследия немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана в современной русской литературе. В творчестве Е. Чижовой универсальность романтического мироздания преобразуется в абсурдность бытия в условиях современной системы, внутренняя природа человека – в бессмысленность поступков, им совершаемых. На примере трансформации творческой личности в романе автор демонстрирует проблемы современного ему общества эпохи застоя. Это наиболее ярко проявляется в образах учительницы английского языка и ее преданной ученицы, от лица которой ведется повествование. Используя парадокс, Е. Чижова высвечивает убогость и примитивизм советской модели социализма, породившей множество Цахесов.

Ключевые слова: мотив, романтический герой, парадокс, травестия, пародия.

THE HOFFMANN TRADITION OF TRANSFORMING THE MOTIF OF THE CREATIVE PERSONALITY IN THE
NOVEL "LITTLE ZACHESES" BY E. CHIZHOVA

Research article

Streltsova G.V.^{1,*}, Belyaeva V.E.²

¹ORCID : 0009-0008-6909-9818;

²ORCID : 0009-0008-0540-1424;

^{1,2}Moscow City University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (galana2000[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines the artistic development of the legacy of the German romanticist E.T.A. Hoffmann in modern Russian literature. In the works of E. Chizhova, the universality of the romantic universe is transformed into the absurdity of being in the conditions of the modern system, the inner nature of man – in the meaninglessness of the actions one performs. The author uses the transformation of the creative personality in her novel as an example to illustrate the problems of modern society in an era of stagnation. This is most vividly shown in the images of an English teacher and her devoted student, from whom the narrative is told. Using paradoxes, Chizhova highlights the squalor and primitivism of the Soviet model of socialism, which has produced many Zacheses.

Keywords: motif, romantic hero, paradox, travesty, parody.

Введение

Имя Елены Семеновны Чижовой достаточно известно не только филологам, но и широкому кругу читателей. Она является автором романов «Крошки Цахес», «Время женщин», «Полукровка», «Лавра», «Преступница», которые принесли ей популярность и признание критиков, в частности, премии «Северная Пальмира» (2001), лауреат премии «Русский Букер» 2009 года. Можно сказать, что самым, по нашему мнению, ярким произведением писательницы может считаться ее первый роман, изданный в 2000 году, «Крошки Цахес».

В романе Е.С. Чижовой «Крошки Цахес» нашла свое воплощение гофмановская традиция, тем более, что Гофман оказался для русской литературы весьма перспективным автором в том смысле, что в своем творчестве поздний немецкий романтик вообрал в себя и синтезировал опыт всей немецкой романтической школы. Используя в своем тексте гофмановские образы и мотивы, Е. Чижова трансформировала позднеромантическое представление о романтическом герое, поместив его в эпоху развитого социализма.

Методы и принципы исследования

Актуальность исследования заключается в обращении к творчеству современной российской писательницы в контексте гофмановского влияния и, по сути, развития «гофмановского текста» в современной отечественной литературе, берущей свое начало еще в XIX веке.

Степень разработанности проблемы и новизна заданы отсутствием исследований, посвященных сравнительному анализу творчества выдающегося писателя-романтика Э.Т.А. Гофмана и современного автора Елены Чижовой.

Основными методами анализа в представленной статье могут считаться сравнительно-исторический, контекстуальный, сравнительно-типологический, мотивный и метод стилистического анализа.

Основные результаты

В самом заглавии романа Е. Чижовой уже прослеживается явная отсылка к писателю-романтику XIX века Э.Т.А. Гофману. Влияние гофмановской традиции на творчество русских писателей и величайший интерес к нему подробно рассматриваются в статье А.Б. Ботниковой [2]. Противоречивое отношение к немецкому романтику и его текстам, незатухающий интерес к творчеству породили множество подражаний, с одной стороны, и усвоение и переосмысление его творческих находок, с другой. Рецепция гофмановской манеры письма, сатирическое переосмысление окружающей действительности, гротескно-комический романтический хронотоп произведений – все это русские мастера художественного слова видоизменяли, приспособлявая к решению своих творческих задач. «Временной промежуток, вмещающий в себя действие всех пяти «ленинградских» романов Чижовой (рожденной в этом городе, пишущей о нем), неизменно возвращается к 70-м годам: миновали яркие, рубежные 60-е, несмотря ни на что проникнутые своеобразным историческим оптимизмом, наступили годы глухие, переломные для человеческого сознания, годы не столько страха («Сейчас не то время», – то и дело повторяют друг другу герои чижовских романов, помнящие иные, куда более нечеловеческие, времена), сколько – вины и стыда, пронизанные – и это для Чижовой особенно важно – одновременно стремлением к возмездию и мыслью об искуплении», – указывает Е.А. Погорелая [8].

Прямая отсылка к персонажу известнейшей новеллы-сказки «Крошка Цахес», которая в романе имеет прозвище фея Розешён, действительно совмещает в себе как свойства романтической героини, обретенные за счет своей исключительности, так и признаки собственно ущербного альфауна. А сам замкнутый мирок спецшколы, в которой преподает эта дама, сильно напоминает Керепес – княжество, где возможно существование и процветание подобных Крошек Цахес. Как и у позднего немецкого романтика Гофмана, где хронотоп вымышленного государства Керепес раздувается до уровня современной автору Германии, жизнь персонажей учебного заведения в центре Ленинграда демонстрирует собой проекцию советского строя в его истинном свете.

Объектом внимания автора становятся образ учительницы английского языка, намеренно названной одной буквой Ф., и ее «творения» – Цахесы, ученики 9 класса, принимающие участие в театральных постановках, режиссируемых этой дамой. Образ учительницы отсылает читателя к персонажу Гофмана – фее Розеншён: «Маленькая фея с короткой стрижкой, отливавшей рыжеватым, или пусть уж будет – золотистым, изо дня в день причесывала наши волосы, делая их волнистыми кудрями» [12, С. 84]. Таким образом, «три волоска, полученные от феи Розабельверде, – это ее месть и насмешка, это же и ее доброта», – утверждает Н.Я. Берковский [1, С. 451].

Пародирование здесь является одним из основополагающих принципов организации образной системы романа при всей неоднозначности и сложности творческой личности в произведении. Это утверждение относится, прежде всего, к главной героине, ученице 9 класса, образ которой создается автором по тому же принципу, что и образы героев позднего немецкого романтизма – с помощью пародийного утрирования узнаваемого романтического штампа, каковым в данном случае становится «невыразимое томление» по исчезающему романтическому идеалу в лице боготворимой ею учительницы. Парадокс заключается в том, что, страдая от непонимания и холодности человека, который в ее глазах предстает идеальным существом некоего высшего мира, героиня, наделенная романтическим складом характера, одновременно с этим трансформируется в одного из множества Цахесов, создаваемых Ф., но порождаемых самим обществом: «Уже целый месяц, день за днем, я стою в голубом кабинете у доски <...> День за днем она стоит передо мною, ее рука держит мой голос, голубые прожилки крови перед глазами» [12, С. 53]. Использование голубого цвета при описании в данном фрагменте текста относит читателя к романтическому идеалу немцев, «голубому цветку». Как видно из фрагмента, ирония автора затрагивает традиционно-романтический образ самой рассказчицы, и, соответственно, в романе возникает критика идеально-романтической позиции. Можно согласиться с А.Б. Ботниковой, что в произведении Е. Чижовой «происходит своеобразный сдвиг объекта иронического осмысления... которому подвергается и сам возвышенный мир поэтической мечты. Под сомнение ставится не только самоценность творящего субъекта, но и сам возвышенный объект» [3, С. 124-125].

Романтичность главной героини парадоксально гиперболизируется автором. «Она смотрела, как я приближаюсь и с каждым шагом становилось все меньше, так что в конце концов она уже различала с трудом. Она же становилась больше, длиннее стали узкие крылья ее носа, острее скулы, пустее улыбка, не оставлявшая надежды» [12, С. 42-43]. Образ выписан по канонам романтизма: героиня – натура творческая, близка природе и испытывает возвышенную любовь. (Однако самый предмет ее чувства иронически снижен, поскольку в роли романтической возлюбленной предстает учительница, как воплощение творческого и человеческого идеала, однако сама учительница, в свою очередь, является продуктом социалистической действительности). Несмотря на то, что главное действующее лицо создается по канонам романтической эстетики – противостоит бюргерской пошлости, устремлена в мир мечты и мнит себя творческой личностью, – выход в мир Атлантиды, как это было в сказке Гофмана, для нее закрыт. Более подробно об этом пишет в главе, посвященной творчеству Э.Т.А.Гофмана, Г.Н. Храповицкая [11]. На пародирование романтических штампов автором текста указывает также ложный напускной характер «романтического томления» главной героини. Это также роднит Чижову с творческой манерой ее предшественника Э.Т.А. Гофмана. Подробнее об этом сказано в работе Е.Р. Ивановой [4].

В произведении Е. Чижовой проступает, как и у Э.Т.А. Гофмана, позднеромантический канон образа творческой личности, предполагающий сочетание характерных атрибутов и черт поэта-романтика, утратившего однако свою сакральную сущность, приводящую в итоге к механическому и слепому подражанию исходной схеме романтизма. При этом главная героиня по-настоящему переживает конфликт между мечтой и реальностью. Подобно своему учителю в творчестве, автор раскрывает смысл романтического искусства, заключающегося в противостоянии серой обыденности и великой поэзии романтического творчества. По закону пародирования романтический художник парадоксально борется с филистером в себе самом [3, С. 124], чтобы выжить в мире реальном, который живет по законам социальных и исторических детерминант, враждебных миру мечты. Для этого необходимо возвыситься над

собой и окружающим миром, что в данном случае для героини оказывается совершенно невозможным, поскольку эта реальность оказывается враждебной по отношению к творческой личности.

Учительница и ученица – подлинный и подражательный типы творческой личности, противоположные друг другу и демонстрирующие разные жизненные позиции. Здесь можно говорить о романтической пародии при создании образа творческой личности, когда симметрия в изображении одновременно создает зеркальность этих двух героинь, но духовная эволюция в область идеального у Ф. отражаются в подражании и копировании ее манеры любимой ученицей. Наиболее показательной в этой связи становится сцена декламирования под музыкальное сопровождение Глюка (одного из любимых композиторов Гофмана) главной героиней перед английской делегацией шекспировских сонетов в оригинале.

Все выступление перед почетными гостями из туманного Альбиона школьницы, которое, по сути, является постановкой Ф., наиболее ярко демонстрирует неспособность первой к творческому акту: она ретранслирует то, что заложено педагогом, никоим образом не выходя за рамки и не пытаясь добавить что-то от себя. Восторг английских гостей, особенно английской дамы «в кружевах», на выступление школьницы обращен, прежде всего, к самой исполнительнице, однако Ф. как создатель данного шедевра остается в тени. Возникает ситуация первоисточника, когда все лавры достаются не учительнице, т.е. тому, кто их действительно заслуживает, а ее ученице, т.е. бездарной карикатуре в лице гофмановского карлика-альрауна.

Как и Цахес в бессмертном произведении великого немецкого романтика, наша главная героиня «рядится в чужие перья», считая себя истинно романтической личностью. В то же время в глубине души она понимает, что в этом выступлении нет никакого ее личного вклада и что это заслуга ее учительницы. Тем не менее, главная героиня приспособляется к окружающей действительности, характеризуемой советской обывательщиной, не испытывая по этому поводу никаких угрызений совести. Таким образом, в образе ученицы парадоксальным образом совмещаются два начала: беспардонное копирование манер и талантов Ф. и угрызения совести от того, что она пользуется лаврами, предназначенными не ей. Все ее достижения и становление ее как личности были сформированы исключительно Ф. «Иногда я думаю о том, что все мы, прошедшие через ее руки, и вправду были крошками Цахес. В конце концов – и от этого никуда не денешься – нас хвалили за то, что не было делом наших рук» [12, С. 220].

Цитируя Ф., героиня-рассказчица, с одной стороны, парадоксальным способом травестирует идеальный образ своего кумира, но с другой, копируя идеал, ученица незаметно для себя провозглашает этот идеал, тем самым доказывая его притягательность и силу; кроме того, полностью перенея манеру своего наставника, ученица начинает осознавать внутреннюю потребность в прекрасном и обретает мечту, выводящую ее из собственно филистерской сферы.

Выступая в роли биографа Ф., главная героиня, в отличие от гофмановских персонажей, осознает трагедию собственной личности, всего поколения и целого народа, живущего в эпоху тоталитаризма с большей или меньшей долей свободы [9]. Таким образом, пародию вытесняют философские размышления о смысле жизни, о вере, о Боге и человеке, живущем в трагическое время и пытающемся сохранить в себе собственную индивидуальность и внутреннюю свободу.

Трагедия творческой личности у Е. Чижовой раскрывается через парадоксальное совмещение сатирического обличения с точным утверждением положительного идеала как программы жизни творческой личности, что в итоге не означает приближения к романтическому идеалу, как это было у немецкого романтика. Эпоха «лихих» девяностых, завершающая повествование, не дает надежды на положительный исход, скорее, наоборот, еще глубже повергает поколение главной героини в атмосферу мещанской пошлости, отчуждения и злобы. «На наших глазах кончался СССР – огромный и бесталаный Крошка Цахес. Уходили феи, десятилетиями расчесывавшие его волосы. Нечесаные, неприбранные пряди падали на его широкий лоб. Иностранцы, долгие годы глядевшие на дела их – фрейлинских – рук, больше не приходили в восхищение. Одновременно с гибелью Империи заканчивался и наш мир, наша новая эпоха Просвещения, маленьким островком которой был школьный, навсегда ушедший в прошлое мирок» [12, С. 218].

Подобно Крейслеру из «Житейских воззрений кота Мурра» педагог английского языка знает муки творчества, страдания привязанности и предательства собственных учеников и ужасающую мизерность окружающей ее действительности, которую она отторгает.

Проблема художника, стоящая в центре повествования романа «Крошки Цахес», является доминирующей в русской литературе второй половины XX века. Творческая личность выступает здесь как обреченная на непонимание и опередившая свое время [5, С. 101-103].

Жизнь оказывается столь же призрачна, как фантазия, а фантазия реальнее действительности, и только искусство способно компенсировать жизненные утраты. Это наиболее ярко высвечивают сцены постановки шекспировского наследия в школе, которые готовит с учениками Ф. Выбор автора не случаен: с одной стороны, Шекспир всегда почитался романтиками как великий драматург и учитель, с другой – «вывихнутое время», описанное английским драматургом, как нельзя более точно передает специфику эпохи развитого социализма. Именно искусство оказалось способным возместить жизненные утраты и сделать «пасынков природы», бывших учеников Ф., способными выживать и противостоять пошлой действительности, хотя и не преобразоваться в романтические личности: «Жизнь моих одноклассников складывалась по-разному, так, как и должны складываться людские жизни. Оказалось, что противоядие, которое она, готовя нас к жизни в огромной и жестокой Империи, протягивала на кончике кинжала или шпаги, в некоторых случаях действует и после распада» [12, С. 219].

Как и гофмановские романтические герои, приходя в отчаяние от пошлости и злобы, Ф. страшится безумия, болезни творческой личности. Реальный недуг настигает ее в финале повествования и оказывается для нее благом с той точки зрения, что, став беспомощной, она принимает помощь и обретает преданного друга и близкую по духу личность в лице главной героини повествования. Однако тема болезни приобретает в тексте символический характер. Телесный недуг Ф., выраженный в отмирании клеток головного мозга, символически отражает сущность

политического строя СССР: об этом говорят некоторые критики творчества Е. Чижовой [6], [7]. Он перерастает в гиперболизированный образ Цахеса, заполнившего собой внутреннее пространство личностей, составляющих «цвет советского общества», который парадоксальным образом был в какой-то степени порожден людьми, подобными Ф.: «Злобная карлица – так назвал ее один из развенчанных крошек через двадцать пять лет своей деятельной жизни, через три года после ее смерти» [12, С. 85]. Будучи смертельно больной, Ф., подобно автору текста о Цахесе, оказывается среди людей, не понимающих ее устремлений и духовно далеких, при всей их заботе и доброте. Ф. пытается открыть для себя ответ на вопрос об истинной сущности мироздания. Болезнь и предчувствие скорого конца усиливает личный подтекст проблемы. Только грезы способны утешить, а искусство откроет познание правды. И только оно способно придать гармоническое единство всему существу: «Гармоническое целое! Полнозвучный и всеобъемлющий аккорд tutti всех возможных инструментов – божественная иллюзия абсолютной целостности и полноты – искусство» [10, С. 184].

Заключение

Итак, можно сказать, что европейская романтическая традиция и ее рецепция в русской литературе не такое редкое, а скорее, частое явление. Свои вариации хрестоматийного образа романтического героя в его гротескном виде представляет Е. Чижова в романе «Крошки Цахес». Рассмотренная нами трансформация мотива творческой личности в романе российской писательницы генетически восходит к гофмановской традиции и демонстрирует полное развенчание основополагающих установок романтического направления. Происходит комическое утрирование отдельных черт героев, пародийное подражание или пустое эпигонство. Автор романа «Крошки Цахес», как и в свое время самим Э.Т.А. Гофманом, отчетливо ощущается некая ущербность, вынужденность существовать в мире пошлого и ограниченного мещанства, что придает трагизм этому существованию. Но у Е.Чижовой, помимо гофмановской трактовки сущности и окружения творческой личности, подчеркивается деградация и духовное вырождение советской нации и крушение идеологии социализма.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский — СПб.: Азбука-классика, 2001. — С. 419-489.
2. Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и Россия / А.Б. Ботникова // Собрание сочинений в 6 т. — Т. 6. — М.: Художественная литература, 2000. — С. 297-322.
3. Ботникова А.Б. Функция фантастики в произведениях немецких романтиков / А.Б. Ботникова // Проблемы художественного метода. Ученые записки Латвийского университета им. П. Ступки. — 1970. — Т. 125. — С. 110-128.
4. Иванова Е.Р. Литература бидермайера в Германии XIX века / Е.Р. Иванова. — М.: Прометей МПГУ, 2007. — С. 98-129.
5. Минахметова А.Ф. Образ учителя в романе Елены Чижовой «Крошки Цахес» / А.Ф. Минахметова, Г.А. Фролова // Альманах современной науки и образования — 2013. — № 7 (74). — С. 101-103.
6. Наринская А.А. Ужасное времечко / А.А. Наринская // Коммерсантъ. — 2009. — 25 ноября. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1280186?query=%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%90.%D0%90> (дата обращения: 04.03.2023).
7. Павлов Ю.М. Елена Чижова: кровь и ярость / Ю.М. Павлов // День литературы. — 2010. — № 12. — URL: <https://gospisatel.ru/pavlov-chizshova.html> (дата обращения: 04.03.2023).
8. Погорелая Е.А. В поисках озвученного времени / Е.А. Погорелая // Вопросы литературы. — 2010. — № 3. — URL: <https://voplit.ru/article/v-poiskah-ozvuchennogo-vremeni-elena-chizhova> (дата обращения: 04.03.2023).
9. Сикорская Н. Елена Чижова «Я не страдаю исторической ностальгией» / Н. Сикорская // Наша Газета. — 2015. — 22 апреля. — URL: <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/19422> (дата обращения: 04.03.2023).
10. Тарковский А.А. Сценарий «Гофманиана» / А.А. Тарковский // Искусство кино. — 1976. — № 8. — URL: <http://www.tarkovsky.su/library/tarkovsky-gofmaniana/?skin=lite> (дата обращения: 04.03.2023).
11. Храповицкая Г.Н. История зарубежной литературы. Западноевропейский и американский романтизм: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Г.Н. Храповицкая, А.В. Коровин. — М.: Издательский центр «Академия», 2007. — С. 116-135.
12. Чижова Е. Крошки Цахес / Е. Чижова. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 220 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berkovsky N.Y. Romantizm v Germanii [Romanticism in Germany] / N.Y. Berkovsky. — St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2001. — p. 419-489. [in Russian]
2. Botnikova A.B. E.T.A. Gofman i Rossiya [E.T.A. Hoffmann and Russia] / A.B. Botnikova // Sbornik sochinenij [Collected works]: in 6 vols. — Vol. 6. — М.: Hudozhestvennaya literatura, 2000. — p. 297-322. [in Russian]

3. Botnikova A.B. Funkciya fantastiki v proizvedeniyah nemeckih romantikov [The Function of Fiction in the Works of German Romantics] / A.B. Botnikova // Problemy hudozhestvennogo metoda. Uchenye zapiski Latvijskogo universiteta im. P. Stupki [Problems of Artistic Method. Scientific Notes of the University of Latvia named after P. Stupka] / A.B. Botnikova. — 1970. — Vol. 125. — p. 110-128. [in Russian]
4. Ivanova E.R. Literatura bidermajera v Germanii XIX veka [Biedermeier's Literature in Germany of the XIX Century] / E.R. Ivanova. — M.: Prometej MPSU, 2007. — pp. 98-129. [in Russian]
5. Minakhmetova A.F. Obraz uchitelya v romane Eleny Chizhovej "Kroshki Tsakhes" [The Image of a Teacher in Elena Chizhova's novel "Little Tsakhes"] / A.F. Minahmetova, G.A. Frolova // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education]. — 2013. — Vol. 74. No.7. — p. 101-103. [in Russian]
6. Narinskaya A.A. Uzhasnoe vremecho [Terrible Time] / A.A. Narinskaya // Kommersant. — 2009. — November 25. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1280186?query=%D0%9D%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%90.%D0%90> (accessed: 04.03.2023). [in Russian]
7. Pavlov Yu.M. Elena Chizhova: krov' i yarost' [Elena Chizhova: Blood and Rage] / Yu.M. Pavlov // Den' literatury [Literature Day]. — 2010. — No. 12. — URL: <https://rospisatel.ru/pavlov-chizhova.htm> (accessed: 04.03.2023). [in Russian]
8. Pogorelaya E.A. V poiskah ozvuchennogo vremeni [In Search of the Voiced Time] / E.A. Pogorelaya // Voprosy literatury [Questions of Literature]. — 2010. — No. 3. — URL: <https://voplit.ru/article/v-poiskah-ozvuchennogo-vremeni-elena-chizhova> (accessed: 04.03.2023). [in Russian]
9. Sikorskaya N. Elena Chizhova: "Ya ne stradayu istoricheskoy nostalgijej" [Elena Chizhova : "I do not suffer from historical nostalgia"] / N. Sikorskaya // Nasha Gazeta [Our Newspaper]. — 2015. — April 22. — URL: <https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/19422> (accessed: 04.03.2023). [in Russian]
10. Tarkovsky A.A. Scenarij «Gofmaniana» [The Script of "Hoffmanian"] / A.A. Tarkovskij // Iskusstvo kino [The Art of Cinema]. — 1976. — No. 8. — URL: <http://www.tarkovsky.su/library/tarkovsky-gofmaniana/?skin=lite> (accessed: 04.03.2023). [in Russian]
11. Khrapovitskaya G.N. Istoriya zarubezhnoj literatury. Zapadnoevropejskij i amerikanskij romantizm: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij [History of Foreign Literature. Western European and American Romanticism: a textbook for students of higher educational institutions] / G.N. Hrapovickaya, A.V. Korovin. — M.: Publishing center "Academy", 2007. — p. 116-135. [in Russian]
12. Chizhova E. Kroshki Tsakhes [Little Tsakhes] / E. Chizhova. — M.: AST: Astrel', 2010. — 220 p. [in Russian]